

УДК 32.01

Л. И. Кирсанова¹, О. А. Коротина²

ДРАМАТИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СООБЩЕНИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В статье дан анализ информационной структуры программ российского телевидения и их функционального значения в формировании общественного мнения. Раскрыт конфликт информационных блоков – визуального (снимки или телевизионные ролики) и словесного (комментарий репортера).

Ключевые слова: информация, коннотация, визуальное сообщение, управление эмоциями.

Информационные программы занимают важное место в сознании российских граждан, несмотря на большую свободу информирования через Интернет. Причин этому несколько.

1. Информационная программа – это возможность конституировать само событие. Как правило, обыватель не знает, что, для того чтобы событие считать политическим, его необходимо создать, т.е. выделить из повседневности в виде смысла, ценности и т.п. (например, расставить акценты в расхождении оценок президента и премьера на события в Ливии).

2. Массовость телевизионной аудитории превышает все другие за счет полифункциональности самого сообщения: картинки, цвет, звуки, а также ввиду доступности и привычности входа в коммуникацию.

3. В информационной программе обязательно должна быть точка события, возбуждающая интерес зрителя. Существуют события, самой фактурой предназначенные для привлечения и удержания внимания. Репортажи-катастрофы вызывают у обывателя чувство жизни, ее ценности на фоне того, когда другие умирают, гибнут, невыносимо

¹ © Лидия Игнатьевна Кирсанова, д-р философ. наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия, E-mail: kirsanovalidiya@rambler.ru.

² © Ольга Александровна Коротина, канд. философ. наук, доцент, заведующий кафедрой философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия, E-mail: Olga.Korotina@vvsu.ru.

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

страдают. Имеет смысл разыскивать всякую драматичность и трагедийность, чтобы захватить скучающего, уставшего, безразличного зрителя сообщением о чем-то интересном, что имеет смысл смотреть, обсуждать. Информационная программа без катастрофы не проходит. Если по масштабу событие не дотягивает до катастрофичности, его необходимо усилить средствами информационного давления – включением очевидцев, свидетелей, криками и репликами, постановочной картинкой, тяжелым словом премьеры и т.д.

4. Информационная программа через драматизацию события не уводит от реальности жизни, ее фактичности, обыденности, а проходит сквозь нее с помощью идентификаций, например: я мог бы оказаться на месте этих людей (во взорванном доме, на отдыхе в Японии, в домodedовском аэропорту и др.), но, к счастью, избежал смертельной опасности и выжил. Чувство жизни повышается, трудности и заботы повседневности кажутся мелкими.

5. Эпизоды катастрофы конституируются с помощью доступных телеарту средств: фобийные повторения одного и того же эпизода (окровавленные, расчлененные тела, остатки житейского благополучия под развалинами домов и др.). Управление эмоциями с помощью нагнетания страха и ужаса позволяет создавать и удерживать напряжение, разрядка которого переносится на внешние этому событию объекты – окружение, семью, детей, животных и проч. Демонстрация фетишистских знаков судьбы – цунами землетрясения, наводнения, автокатастрофы, имеющих характер случайности и необратимости.

Неоднократно замечено, что структуры действуют в логике драматургии. Остановимся на характеристике механизма драматизации в информационных программах.

Телевизионный репортаж представляет собой сообщение, комплекс которого образован инстанциями: источника-отправителя, канала передачи и получателей. Источник-отправитель – это редакция телевизионных программ, точнее, редакция новостей, из которых одни снимают сырой материал на видеопленку, другие отбирают материал, третьи снабжают его вербальными пояснениями. Каналы передачи до сегодняшнего дня остаются под тотальным контролем власти, а, следовательно, сообщение подвергается цензурированию. Сами каналы (Вести-ОРТ и др.) способны влиять на прочтение сообщения, поскольку это информационные общероссийские каналы, а не МУЗ ТВ или Здоровье, а потому один и тот же репортаж может иметь разный смысл в зависимости от того, где он размещен. Подрубрика – сообщение (вести) – делает его предъявлением «буквальной реальности». Изображение выдается за аналог реальности, и повседневное мышление воспринимает его именно как сообщение без преобразования, как будто реальность

подается такой, какова она есть на самом деле. Впечатление усиливается за счет присутствия тележурналиста, который буквально выхватывает сообщение (репортаж под обстрелом, из-под обломков дома и т.п.) из реальности и доставляет его воспринимающему во всей его подлинности. Необходимо уточнить, что сообщение (телевизионный репортаж) является со-общением двух структур – визуальной и речевой, их единицы разнородны, а потому они не смешиваются друг с другом, и анализ должен быть направлен на исследование каждой из них в отдельности. Для этого необходимо визуальное сообщение разбить на фрагменты: масштабное (исследовать, было ли сообщение подвергнуто искажению), перспективное (место данного сообщения в масштабе целого), цветовое и др. Таким способом представляется возможным распознать код сообщения, чтобы за первичным смыслом (это происходило так, как это показано) уловить его дополнительные смыслы – социальные, эмоциональные, рациональные, идеологические и т.п. Все «выразительные» сообщения содержат в себе два сообщения: денотатное, собственно аналог реальности, и коннотативное, посредством которого общество тем или иным образом дает понять, что оно думает о данной событийности. С одной стороны, репортаж с места событий (расхожая группировка элементов) выдается за механический аналог реальности (денотат), а с другой – вокруг него разворачивается, группируется система вторичных значений (риторика власти, приметы времени и т.п.).

Визуальное сообщение заставляет нас переживать наиболее чистое чувство реальности, мы буквально шокированы денотатом настолько, что в первый момент ничего не можем добавить в виде дополнительных значений: собственный взгляд на вещи, вопрос о том, кто сообщает нам об этом, т.е. схему опосредствующих инстанций, позволяющих выйти за пределы буквально сообщаемого. Точность, полнота, подлинность визуального сообщения, его объективность могут оказаться мифом, на который ловится обыденное сознание. Вполне вероятно, что телепортаж (о Беслане, Норд-Осте, цунами и радиации в Японии и проч.) также обладает коннотацией. Эту систему дополнительных значений не всегда удается уловить, хотя она не является скрытой, она остается ясной и имплицитной одновременно. Во-первых, визуальное сообщение (речь идет, по преимуществу, о телесообщениях) есть нечто отобранное, выстроенное, приведенное в соответствие с профессиональными, эстетическими и идеологическими нормами, а во-вторых, видеоматериал воспринимается в соответствии с внедренным в сознание получателей запасом значений (о бандформированиях и способах их действий, о стратегиях террористов, о нечеловеческом лице боевиков, об опасности ядерных реакторов, выбросах радиоактивных отходов в атмосферу, скорости ветров и их направлении.). Таким образом, между денотатом,

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

аналогом реальности и коннотацией (риторикой образа) существует тайный сговор, когда одно (собственно сообщение) подставляется вместо другого: телерепортаж пытается убедить нас в том, что он копирует реальность и что такая «объективная» копия возможна, что нам дается реальность вне оценочных значений, а другая система значений (обработанная, выстроенная реальность) оказывается инвестированной (на вопрос «кто?» ответ не всегда может быть получен в тот же самый момент времени) и ангажированной.

Вероятно, что подобные подмены (одно вместо другого) – приемы метафорического смещения, имеют место во всех коммуникационных системах, но некоторые из них нуждаются в скорейшей дешифровке, ибо они отсылают ко лжи, являются источником манипулирования сознанием повседневности.

Обратим внимание на некоторые приемы коннотации, т.е. наложение вторичного смысла на «объективное» визуальное сообщение.

1. Монтаж (отбор, техническая группировка фрагментов, сближение или удаление смысловых элементов и др.) искусственно создает отношения близости между разнородными элементами (взрывы, фигуры боевиков, раненые и убитые дети, которых на руках выносят обезумевшие родители и родственники...). О подлинной последовательности, разрывах во времени и т.п. вопрос не ставится. Поскольку монтаж остается скрытым, то его результат непосредственно внедряется в денотат, прикрывается маской объективности – буквальной явленности того, как это было на самом деле. Отметим, что однозначность подобного сообщения создана тем запасом значений, которые уже внедрены в сознание. При неполноте информации или ее деформации сознание повседневности самостоятельно достраивает его до целостности на основе уже внедренных значений. Убийство детей террористами уже не кажется чем-то невозможным, ибо сознание подготовлено к их восприятию как не-до-человеков, моральных уродов и т.п. Иначе говоря, коннотативный ход не является ни истинным, ни ложным – он историчен. Социологические исследования об изменении вербальных значений подтверждают сказанное: обыденное сознание переформулировало свои высказывания – свободолюбивые, гордые горцы (миф конца XIX – начала XX века, Л.Н.Толстой. Хаджи Мурат) превратились в лиц кавказской национальности в конце XX века.

2. Объекты репортажей. Необходимо подчеркнуть особую значимость позы объектов, когда коннотативный смысл возникает потому, что они поставлены в такие условия (потому что оператору искусственно или случайно удалось так расположить их перед камерой, что они становятся прекрасными катализаторами ассоциаций – эмоций, чувств, настроений). В одном из репортажей операторский глаз следит за тем, как 6-7-летняя девочка-заложница, «счастлива» выпавшая из окна обстреливаемой школы, снова пытается влезть обратно, потому что там осталась ее мама.

Подобные объекты являются превосходными элементами для образования значений. Во-первых, они самодостаточны, легко ассоциируются с личным опытом воспринимающих, возбуждают сильные эмоции выстроенного направления – гнев, ненависть, агрессию и др. Присутствие воспринимающего в данном объекте становится буквально физическим качеством, телесно переживается, чем парализуется возможность любого дистанцирования: разбитые окна, в проемах которых мелькают фигуры боевиков, слабые руки ребенка, на которых он пытается подтянуться, чтобы взобраться на подоконник и провалиться вовнутрь и др. Эмоциями буквально перегружена: каждая из единиц сообщения захватывает своей силой, а не смыслом. Почему взрослый человек, мужчина вообще может на это смотреть? Снимать на камеру? Но мы захвачены денотатом, тогда как сообщение сплошь коннотировано. Кто услышал последовавшее позже речевое сообщение о том, что девочка спаслась... Поздно – эмоции уже разразились, обрушились на сознание воспринимающих. Визуальное и речевое сообщения принадлежат к разным структурам, а потому сила значений у них не одинакова.

3. Метонимия в визуальном сообщении. Прием метонимии заключается в подставлении части (одного элемента) вместо целого (денотата), что делает сообщение приукрашенным – с садистским или гуманистическим оттенками: преувеличенная жестокость одних (аппликативный образ врага) и преувеличенная героизация других (самопожертвование бойцов спецназа, жизнь одних в обмен на жизнь других). Бесконечное повторение «сильных» элементов визуального сообщения, ночное время новостей для большинства регионов России, разорванность, размытость сообщений рождает чувство катастрофичности происходящего, вносят элементы трагедийности, апокалипсические настроения.

Составить перечень приемов коннотирования – одна из задач современной гуманитаристики, решение которой позволило бы отделить собственно сообщение от манипулирования сознанием обывателя.

Вполне вероятно, что в телерепортаже накладываются друг на друга, конкурируют, терроризируют друг друга коннотативные коды с разными субъектами – профессиональными, властными, идеологическими, а потому сообщение имеет не один смысл, а несколько. Конкурирование смыслов может обнаруживать себя в противоречии между плотностью фигуративности и бедностью содержания изображаемого (заросшие бородами лица боевиков, фанатичный взгляд, молчание террористов – это элементы фигуративности, содержание образа – обеднено и примитивизировано).

4. Речевое сообщение и визуальный образ. В телерепортажах текст образует паразитарное дополнение к образу, которое рационализирует его, идеологизирует, оценивает, поясняет, уравнивает. Текст обременяет

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

образ культурными дополнениями, моралью, вводит в границы истории, права, благодаря чему образ снижается в своей эмоциональности и чувственности. Визуальный образ драматизирует ситуацию, текст – объективирует, что, в конечном счете, уравнивает сообщение и доводит его до уровня культуры. Мы не обсуждаем вопрос о качестве этой культуры, заметим только, что это культура для массового потребления. В любом случае аффект коннотации визуального репортажа оформляется в слово, тиски иконографического изображения разжимаются, сообщение обретает характер «невинности» объективности, отдаляет воспринимающего от его эмоций, придает его чувствам со-размерность. Сравним: быть включенным, буквально внедренным с помощью операторского взгляда в бытие-к-смерти, которая для кого-то уже наступила, или выслушать сообщение: они близко видели смерть, это отражают их лица. Эффект взгляда не сравним с речевым сообщением. Однако телености окончательно утратили бы свойство информировать, если бы они не пытались найти компромисс между структурами речевого и визуального сообщения, шок-видение должно быть компенсировано словом, чтобы спасти обыденное сознание от прививок тотальной патологии. На границе между образом и словом, в их разрыве рождается мысль, вопрошающая, критическая, которая предохраняет сознание от срыва в аффекты подозрительности, страха, ненависти. Благодаря сложности культурных кодов (культура не может перестать пользоваться словом, так же как она не может не предаваться иллюзиям визуализации), несводимости одного к другому, она по-прежнему выполняет свою регулятивную функцию, уравнивая разгул мрачно-веселого визуального насилия рациональностью самосознания и самоотождествления.

В отношении информационного сообщения возможны, по крайней мере, три позиции: 1) относится к ней с должным уважением, т.е. признавать существование реальности такой, какой она представлена в теле-мифе. Против глупости, как известно, лекарства не существует, 2) полностью отрицать «произведенную» информацию, объявить событие непроницаемым (все источники лгут). В этом случае утрачивается связь с реальностью, на долю субъекта остается только критика и имитация действия и жизни, 3) дрейф между информацией, как она конституирована в сообщении, и собственно реальностью, поскольку она все равно как-то затрагивает нас, т.е. находится между событием и его мифологизацией.

Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 515 с.